

ДМИТРИЙ АБРАМОВ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

МИССИЯ РОССИИ

Дмитрий Михайлович Абрамов

Гражданская война.

Миссия России

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10394239

Абрамов Д.М. Гражданская война. Миссия России: Алгоритм; Москва;

2015

ISBN 978-5-906798-34-3

Аннотация

Настоящее произведение посвящено наиболее ярким, переломным и трагическим событиям первой четверти XX века в истории России, связанным с Гражданской войной (1917–1922/23 гг.). Большинство персонажей произведения являются реальными, известными или малоизвестными историческими личностями – офицеры, солдаты, военачальники, поэты, общественные деятели, – жившие, любившие и воевавшие в те далекие трагические годы. Д. Абрамов реконструирует события, раскрывая «белые пятна» эпохи, изменившей историческую судьбу России. В своей новой книге, являющейся своего рода продолжением труда «Первая мировая война. Миссия России», Д. Абрамов использовал широкий круг исторических источников и специальной литературы: материалы Государственного военно-исторического архива, картографические и топографические

материалы, мемуары, редкие публикации, сведения из специальных изданий, дореволюционных газет и др. Главной целью, которую ставил перед собой автор, был показ исторической мессианской роли России, «вставшей на дыбы» и изменившей весь мир.

Содержание

Вместо предисловия	7
Глава 1	21
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Д.М. Абрамов

Гражданская война. Миссия России

Всем участникам Гражданской войны 1917–1922 гг. посвящается.

Да откроет им Истину Господь. Да спасет и оправдает их всех: белых, зеленых и... красных.

*Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России —
Забывать не в силах ничего.
Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.*

А. Блок

*Мною сделано это.
Библия. Вторая книга Паралипоменон. Глава XI,
строфа 4*

*С огромной благодарностью и
признательностью моим консультантам и
помощникам*

И.Б. Тихоновой, В.Н. Васечко, О.Н. Яшиной

© Абрамов Д.М., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Вместо предисловия

Стремительный, взрывной и кровавой пришла в Европу весна 1916 года. Уже восемнадцать месяцев человечество несло на своих плечах бремя Первой мировой войны. От Красного и Средиземного до Балтийского моря оборонительными линиями, окопами, капонирами, пулеметными гнездами, блиндажами, ходами сообщения, воронками от снарядов были распаханы тысячи километров земли. Они пролегли через пустыни Синая и Палестины, степи и болота Месопотамии, Армянское нагорье, упираясь в берега Черного и Каспийского морей. От Эгейского моря почти до Адриатики исполосовали гористые Балканы. Проснулись разбуженные гулкой канонадой Восточные предгорья Альпийских гор. Врезаясь в заповедные Швейцарские Альпы, линии фронта до пролива Па-де-Кале искромсали цветущие города, села, храмы, поля и сады Западной Европы. От плодородных юго-восточных склонов Карпат до песчаных пляжей и дюн Рижского залива, островов Эзеля и Даго были изрыты фронтом просторы Восточной Европы. Ужас, неутешное горе, разруха и нищета пришли в дома людей, живших на линиях столкновений воюющих армий. Но не меньшее горе и неутешная разлука пришли и поселились в сотни тысяч семей, отправивших на войну своих кормильцев-отцов, сыновей, братьев, суженых и любимых.

И следом не только земля, но заливы, моря и океаны слышали тревожные сигналы боевых призывов, грохот тяжелых корабельных орудий и цепей, взрывы мин и торпед. Корабли и субмарины Германской, Австро-Венгерской, Османской, Британской, Российской империй, Франции, Италии бороздили Черное, Средиземное, Северное, Балтийское моря, Атлантику, Тихий и Индийский океаны. Они несли смерть друг другу, транспортам, судам гражданского флота, прибрежным городам и селениям. Даже с небес, к которым с мольбой люди поднимали руки, вознося молитвы к Творцу и прося его о милости и спасении, даже с небес, прочерченных смертоносными полетами крылатых машин, на людей низвергалась погибель. Авиационные бомбы и пулеметные ливни с высот в сотни метров страшнее самого крупного и страшного града взрывали землю, уродовали дома, убивали, ранили, увечили людей, губили все живое.

За последние 4 месяца 1914 года с самого начала Первой мировой Россия успела провести пять крупнейших наступательных операций (Восточно-Прусскую, Галицийскую, Варшавско-Ивангородскую, Лодзинскую на Восточном фронте и Сарыкамышскую в Закавказье). Этим она спасла Францию и Сербию от разгрома немцами и австрийцами. Да, первое наступательное сражение с германскими армиями в Восточной Пруссии было плохо подготовленным, неудачным для России. Но 2-я русская армия генерала Самсонова легла костями среди Мазурских озер Восточной Пруссии и спасла

Париж от прорыва германских войск на реке Марне. Столица Франции была спасена тогда первый раз в ходе войны. Западные союзники России: Франция, Великобритания и Бельгия – лишь отразили наступление германских войск на Париж, выиграв битву на реке Марне. После этих событий война на Западе приобрела затяжной (позиционный) характер.

Разгром русскими войсками в Закавказье под Сарыкамышем 3-й турецкой армии создал благоприятный для союзников стран Антанты военно-политический фон для боевых действий в зоне пролива Дарданеллы. Готовясь к кампании 1915 года, англо-французское командование обратилось в начале января к русскому верховному командованию с просьбой усилить свои войска и активизировать их действия на Восточном фронте, с тем чтобы максимально облегчить положение союзников на Западе. Русское командование согласилось на их просьбу, но с условием, что англичане и французы, в свою очередь, путем крупной морской или сухопутной демонстрации в районе Дарданелл отвлекут часть турецких сил с Кавказского фронта. Такое условие русских весьма устраивало союзников, особенно Англию, которая усматривала в этом возможность упредить Россию в ее вековом стремлении овладеть Константинополем и проливами. Одновременно Англия и Франция рассчитывали своими действиями в районе Дарданелл ускорить вступление в войну Италии на стороне Антанты. Английское и французское командование приступило к разработке плана настоящей, а

не демонстративной операции. Узнав об истинных намерениях своих партнеров по войне, русское правительство забило тревогу. Оно стало настойчиво добиваться от Англии и Франции решения вопроса о будущей судьбе Константинополя и проливов. Но англичане и французы всячески затягивали переговоры по этому вопросу. И только уже в ходе операции, когда их попытки овладеть Дарданеллами провалились, они были вынуждены согласиться на присоединение к России Константинополя с прилегающими к нему берегами проливов. Но и с их стороны было выдвинуто условие, что Россия будет до конца сражаться на стороне Англии и Франции, если последние также осуществят свои захватнические планы в Азиатской Турции и в других областях. Соглашение было подтверждено рядом документов, оформленных в марте – начале апреля 1915 года.

Англия и Франция отвели для проведения операции крупные силы флота: 11 линейных кораблей (один из них новейший – «Куин Элизабет»), 1 линейный крейсер, 4 легких крейсера, 16 эскадренных миноносцев, 7 подводных лодок, 1 авиатранспорт с 6 гидросамолетами, 21 тральщик, 1 канонерскую лодку и большое число вспомогательных судов. Германское и турецкое командование только в середине февраля узнало о готовящейся операции. Началось спешное сосредоточение частей и соединений 1-й и 2-й турецких армий (около 200 тыс. штыков) в зоне проливов и приведение в боевую готовность береговых укреплений и артиллерии. Перед

началом операции английские и французские корабли имели на своем вооружении 230 орудий калибром от 102 до 381 мм (в их числе 8 орудий самого крупного калибра 381 мм); турецкая береговая артиллерия – около 200 орудий калибром от 120 до 355 мм (в их числе 6 орудий 355 мм). До начала операции турки выставили южнее пролива минное заграждение (334 мины), состоявшее из 9 линий. Сражение началось утром 19 февраля с обстрела семью английскими и французскими линейными кораблями турецких внешних фортов на Галлиполийском полуострове. Корабли Антанты двинулись в пролив. Но союзников ожидали неудачи, несмотря на перевес в огневых средствах. Турецкая береговая артиллерия отчаянно и небезуспешно отстреливалась и наносила сильные повреждения кораблям англичан и французов. Некоторые из них подорвались на минах. Уже более четырех с половиной веков подряд самые восточные берега Европы и самые западные берега Азии не оглашались громом столь мощной артиллерийской канонады. Дымы, гарь, зарево пожаров и разрывов вспыхивали и плыли над лазурными водами древнего Геллеспонта. Сражение за проливы растянулось не на дни и недели, а на месяцы. Однако, несмотря на первые неудачи, англичане и французы решили продолжать Дарданелльскую операцию. Они запланировали высадку сухопутных войск на полуострове Галлиполи с целью захватить турецкие форты с тыла и облегчить прорыв флота через Дарданеллы в Мраморное море. В десант назначались

1 английская и 1 французская дивизии, австралийско-новозеландский корпус, три бригады английской морской пехоты и греческий добровольческий легион (всего 81 тыс. штыков). Этим войскам придавались 178 орудий разных калибров. Общее командование этим десантом было возложено на британского генерала Гамильтона. Утром 25 апреля десантные суда и корабли поддержки подошли к турецким берегам у пролива и начали мощную артподготовку. Затем на берег был высажен десант. Турки отчаянно оборонялись. Но англичане и французы все же сумели закрепиться на азиатском и европейском берегах пролива, потеряв за два дня около 18 тыс. человек. Напряженные бои десантных войск с турецкими силами продолжались до конца мая. Несмотря на огневое содействие крупных сил флота, союзники не смогли сломить сопротивление противника и добиться ощутимых результатов. За это время они понесли большие потери в войсках, потеряли несколько кораблей. 13 мая турецкий эсминец потопил английский линкор «Голайет», а 25–27 мая германская подводная лодка «U-21», пришедшая из австрийского порта Котор, пустила ко дну еще два линейных корабля – «Трайемф» и «Маджестик». После этих потерь англичане отправили свой новейший линкор «Куин Элизабет» в Северное море и увеличили число кораблей противолодочной обороны. Крупные корабли ушли на рейд острова Мудрос, оставив десантные войска без поддержки флота. Правда, отдельные британские корабли и подводные лодки еще проры-

вались через пролив в Мраморное море и топили турецкие транспорты и корабли. В августе англичане вновь предприняли наступление на полуострове и высадили туда дополнительные десанты. Но 5-я турецкая армия контратаками остановила наступление британских войск. Борьба за полуостров продолжалась до декабря. Но уже в начале ноября союзное командование приняло решение эвакуировать свои войска. Эвакуация закончилась 9 января 1916 года. Дарданелльская операция потерпела полную неудачу. Младотурецкое правительство Османской империи ликовало. Энвер-паша (министр обороны) выказывал свое почтение и уважение германскому генералу фон Сандерсу, командовавшему турецкими войсками в той операции. Однако та и другая стороны понесли громадные потери. Союзники по Антанте потеряли более 146 тыс. человек. Потери турецкой армии по официальным данным составили 101 тыс. только убитыми. Общие потери превысили четверть миллиона из 300-тысячной армейской группы в зоне Проливов. Это была одна из самых кровопролитных боевых операций в новой истории Османской империи. И хотя значение ее невелико для истории Первой мировой войны, но она заняла важное место в национальной истории турецкого народа. В те месяцы на берегах пролива формировался костяк будущей национальной армии республиканской Турции. В боях под местечком Анафарты стойко отражал атаки британцев XVI армейский корпус под командованием полковника Мустафы Кемаль-бея,

кому грядущее уготовило особое место в истории Турции.

Мало кому и сейчас известно, что армянские части в составе турецких войск показали высокие боевые качества в сражениях на Галлиполийском полуострове при разгроме Дарданельского десанта англичан и французов. Дрались армяне, призванные в турецкую армию, против Антанты и в Месопотамии. Они выполняли решение своей национальной партии Дашнакцутюн, гласившее: «Каждый армянин обязан выполнять свой долг османского подданного; следовательно, мы имеем право на то, чтобы турецкое правительство признало наше прямотушие и искренность. Мы готовы защитить целостность Османской империи и нашу родину». Руководство Дашнакцутюн уведомило в начале войны лично Талаат-пашу, как министра внутренних дел и члена триумвирата (руководства младотурецкой правящей партии) об изложенной выше позиции партии и заверило Талаат-пашу в своей лояльности к властям. Речь шла, однако, об армянах в Западной Армении (Анатолии), находившихся под турецкой властью. Население Восточной части Армении оставалось законопослушными подданными Российской империи. Но восточные армяне, вполне естественно, питали надежды на полное единение всех армян под скипетром российского императора и освобождение от османского владычества своих братьев Анатолии.

Но уже через два дня после начала высадки галлиполийского десанта, т. е. 15 апреля, Энвер-паша (военный ми-

нистр) и Талаат-паша направили властям Восточной Анатолии секретный приказ о всеобщей депортации армян как потенциальных сообщников врага в пустынные области Северной Месопотамии. Как подчеркнул Талаат-паша, надлежало «покончить со всеми армянами и всячески стараться уничтожить само название „Армения“ в Османской империи». Мирное христианское население насильно сорвали со своих мест и погнали умирать в пустыню. Гибель целого народа в западной Армении не изменила ни военного, ни политического хода событий. Однако дьявольский план руководителей этой акции, по которому местное мусульманское население от Трапезунда до Мосула было обязано помогать властям следить за пешими колоннами женщин, стариков и детей (мужчин-армян отделили и депортировали либо ликвидировали), все же осуществился. В тех местах, по которым прошли и погибли эти полтора миллиона несчастных, пожалуй, не было турецкой или курдской семьи, где не появилось бы колечко, или платок, или другая вещица обреченных на голодную смерть людей, а то и рабыня или раб-ребенок из числа депортируемых армян. Эти события известны в мировой истории как геноцид армян. Политическое руководство Османской империи сделало сообщниками преступления своих подданных, не пожелавших добровольно подняться на джихад. Теперь появление войск любого члена Антанты в Восточной Анатолии от Эрзрума до Киликии должно было рассматриваться мирным населением как месть со сто-

роны христиан всем мусульманам.

Тем временем уже весной 1915 года Германия и Австро-Венгрия обрушили мощь всех своих армий на Россию, стремясь вывести ее из войны. Россия утратила свой военный потенциал уже в 1914 году. Восточный фронт был взломан германскими и австрийскими войсками на протяжении от Галиции до Балтийского моря. Бесперывные артобстрелы, газовые атаки привели русскую армию к страшным потерям. В ходе оборонительных боев и широкомасштабного отступления потери русской армии составили 850 тысяч убитых и раненых, 900 тысяч пленных. В течение весны, лета, осени русские войска отходили по всему фронту и оставили Польшу, Литву, Западную Латвию, Западную Украину и Белоруссию. Но главная задача, поставленная германским командованием, так и не была выполнена: Россия не была разгромлена и не вышла из войны. На Западном фронте союзники не предприняли ни одной серьезной наступательной операции, чтобы спасти положение России. Только Италия вступила в войну на стороне Антанты в конце мая 1915 года. Наступление итальянских войск не было особенно удачным, и уже в июле война на Итальянском фронте приобрела позиционный характер. И это была практически единственная помощь русским войскам: австрийцы перебросили с Восточного фронта на итальянский 10–12 дивизий. Относительный успех Тройственного союза (Германской, Австро-Венгерской, Османской империй) весной-летом 1915 го-

да подтолкнул Болгарию присоединиться к нему. Так сложился Четверной союз. Совместно с австрийцами болгары разгромили сербскую армию, которая отступила к Адриатическому морю и была с побережья эвакуирована англичанами на Ионические острова. Сербия была оккупирована австро-венгерскими и болгарскими войсками. Утешением для Антанты было лишь то, что две французские дивизии, высадившиеся в греческом городе Салоники, ударили во фланг болгарской армии. Болгары не смогли выбить их с полуострова. Так образовался Салоникский фронт.

Весной 1916 года английские войска готовились прорвать оборону турок на Синае, развернуть наступление от Суэцкого канала через Синайскую пустыню с целью выхода в Палестину. Еще восточнее 1-й Кавказский отдельный кавалерийский корпус русской армии под командованием генерала Баратова (9850 штыков и 7860 сабель) вступил в Месопотамию и занял Ханекин (150 км северо-восточнее Багдада). Баратов стремился помочь английскому отряду, блокированному турецкой армией в Кут-эль-Амара. Однако помощь русских британцам запоздала, так как английский военачальник Таунсенд сдался туркам в плен с 12 тыс. своих солдат и офицеров. Русскому кавалерийскому корпусу пришлось прекратить дальнейшее продвижение вследствие недостатка сил, так как приходилось действовать на фронте до 650 км, ведя борьбу с местными партизанами-курдами. Тропическое лето, жара, безводье, холера и малярия изнуляли войска гене-

рала Баратова. В Армении, завоеванной османами, русские войска еще в январе-феврале 1916 года провели успешную боевую операцию и взяли крепость Эрзерум. Русская Кавказская армия в Армении весной насчитывала более 207 тыс. штыков и 23 тыс. сабель, 470 орудий, 657 пулеметов. Но турки стянули туда еще большие силы (около 250 тыс. штыков и 45 тыс. сабель) и в конце мая перешли в контрнаступление.

Страшное творилось и в Западной Европе. Германские войска, не сумевшие полгода назад разгромить и вывести из войны Россию, в феврале 1916 года обрушили всю мощь своего ударного кулака на французские позиции у города-крепости Верден. Французы смогли выставить для защиты Вердена 11 дивизий и 632 орудия. Немцы же ударили по французам из 1500 орудийных и минометных стволов. Ведение операции возлагалось на 5-ю германскую армию под командованием кронпринца Вильгельма. Армия усиливалась свежими корпусами и артиллерией резерва. Артподготовка германских войск началась 21 февраля в 8 часов утра. Огонь невиданной силы по отдельным целям, участкам окопов, траншей и укрытий первой и второй линий французской обороны чередовался с обстрелом командных пунктов, батарей, фортов города, селений, перекрестков дорог, госпиталей, гражданских зданий Вердена, расположенных в глубине французской обороны. От этого огня гибли и страдали мирные люди: раненые, дети, женщины, старики, врачи. Для разрушения траншей и окопов немцы использовали в основном миноме-

ты. Батареи французов поражались главным образом химическими снарядами, а командные пункты, форты и другие укрепления – огнем сверхтяжелых орудий – 210-мм мортир и 420-мм гаубиц. Железнодорожные станции и госпитали громили и обстреливали сверху десятки аэропланов. За час до атаки огонь германских орудий был перенесен на первую линию обороны и доведен до максимального напряжения. Позднее командующий французскими войсками Петэн писал: «Немцы пытались создать такую „зону смерти“, в которой ни одна часть не смогла бы удержаться. Тучи стали, чугуна, шрапнели и ядовитых газов развернулись над нашими лесами, оврагами, траншеями, убежищами, уничтожая буквально все... На узкий треугольник, заключенный между Брабан, Орн и Верденом, был сосредоточен опустошающий огонь больше чем 2 млн снарядов». Затем десятки тысяч германских солдат были брошены в атаку на французские позиции. Но французы выдержали удар.

Так началась одна из самых кровавых битв Первой мировой, известная под названием «верденской мясорубки». Битва полыхала почти до конца лета. Французское командование, стремясь отвлечь дивизии немцев от Вердена, в начале июля предприняло наступательную операцию на реке Сомме и добилось там небольшого успеха. Для прорыва германских позиций французы и англичане впервые тогда применили танки. Но еще ранее – весной англо-французское командование обратилось к командованию русской армии с просьбой

предпринять наступление на Восточном фронте, чтобы ослабить силы германских войск под Верденом и на Сомме. Россия не отказала в помощи. По планам командования русские войска должны были нанести удар по австро-германским позициям на широком фронте от реки Припяти и города Пинска до реки Днестра и города Черновицы. Руководство операцией вручалось генералу А.А. Брусилову. Начало русского наступления намечалось на конец мая – начало лета.

В то время, когда русская армия готовилась к наступательным операциям, на итальянском фронте превосходящие силы австрийцев 2 мая атаковали в районе Трентино войска 1-й итальянской армии. Понеся крупные потери, итальянцы стали отступать. Это сильно встревожило руководящие военные круги Италии. Они обратились в главную квартиру французской армии с просьбой повлиять на русское командование, чтобы заставить его ускорить наступление на юго-западе Восточного фронта и тем облегчить положение дел в Италии. Вскоре итальянское командование непосредственно само обратилось в русскую Ставку с настойчивой просьбой о помощи. Так, 10 мая 1916 года военный атташе генерал Порро просил находящегося в Риме русского полковника Энкеля, чтобы тот доложил от имени главнокомандующего итальянской армией Кадорны командующему Алексееву «усердную просьбу ускорить во имя общих интересов начало наступления русской армии».

Глава 1

Кульминация и смена позиций. «Две ли России сошлись воевать?»

Святки – сколько для русского человека в этом слове сокрыто светлых воспоминаний, сколько тепла, берущих начало в детстве, отрочестве, юности, девичестве! В этом слове и Светлое Рождество Христово, и торжественное богослужение в храмах с тысячами весело горящих свечей, и нарядная елка с Вифлеемской звездой, и подарки, и Новый год, и каникулы, и Крещение с водосвятием и ледяной купелью, и Татьянин день...

Кирилл Космин и Петя Усачев, как и многие другие, хранили в себе это тепло и воспоминания. Наступившая поздней осенью распутица, а затем зима временно прервали активные боевые действия Добрармии. Перед Святками Космин и Усачев отпросились в отпуск и уехали в Ростов. Туда приехали вечером, как раз перед всенощной Рождественской службой. На улице было морозно и сухо. Легкие снежинки кружились в воздухе. Темно-синее небо высветилось звездами.

Когда в вечерних сумерках они подходили к знакомому дому, Кирилл посмотрел на освещенные окна и увидел в одном из них желанный женский силуэт.

– Смотри, Петя. Не Женя ли стоит и высматривает кого-то? – спросил он, обращаясь к Усачеву.

– Она. Точно она! Вот сестра, стоит у окна и ждет нас. Вот женское чутье! – с восхищением отвечал тот, всматриваясь в окна.

Женщина у окна, верно, заметила их и отпрянула вглубь комнаты. Следом, ускоряя шаг, офицеры почти бегом взлетели на высокое крыльцо. Парадная дверь дома была открыта. Уже в прихожей им на встречу вышел радостный Гордей Гордеевич, кинувшийся обнимать и расспрашивать желанных гостей. Быстро пройдя прихожую, расстегивая и снимая на ходу ремни с шашками, фуражки, развязывая башлыки, распахивая шинели, одновременно обнимаясь и общаясь с Гордеем Гордеевичем, они стремительно и живо ворвались в натопленную чисто убранную гостиную. Там их с улыбкой встречала дородная и еще довольно молодая хозяйка дома, и, видно, приболевший Петр Михайлович, с шарфом на шее, приветствовавший сына и гостя хриплым голосом. Конечно, первым делом он со слезами бросился к Петру Петровичу и крепко прижал его к своей груди.

– Боже мой! Радость-то какая. Петенька живой, здоровый! На праздник обрадовал Господь! Здравствуйте родные мои! Желанные! – запричитал он.

– Располагайтесь Кирилл Леонидович! К столу, господа офицеры! С дороги-т водочки с огурчиком! Да и мы разговеемся. Ведь Звезда уже! Сочельник-то прошел. Матушка,

а ну-ка носи из закромов все, что осталось, мечи на стол графинчик, да огурчики, да грибки, да селедочку, да хлебушек пшеничный. Да стопочки не забудь! – засуетился Гордей Гордеевич.

Хозяйка забежала. Кирилл в смущении остановился на полпути, не найдя взглядом в большой и светлой гостиной той, о ком давно тосковала его душа.

– Почему нет ее? Неужели она не рада моему приезду? Ведь верно видела нас, когда мы подходили к дому. Неужели я зря так торопился увидеть ее? – закрутились вопросы и мысли в голове Космина.

На минуту-другую сильнейшие горечь и обида закрались в его сердце.

– Что с тобой, Кирилл? Да на тебе лица нет! Пап, а где Женя? – радостно спрашивал Петя.

– Да только что тут была! Весь день у окна стояла, молчала, ровно ждала кого-то, а как темнеть начало, у зеркала со свечей сидела. Гадала ли!? А тут подошла к окошечку да как вскрикнула и убежала куда-то, – отвечал Петр Михайлович с радостью и утирая слезы на глазах.

– Не плачь, пап. Все – слава Богу. Живы, как видишь! Женя, да где же ты? – громко успокаивая отца и зовя сестру, говорил Петя.

Кирилл со скорбью и тоской хранил гробовое молчание. Так продолжалось несколько минут. Он уже было потянулся застегнуть шинель и откланяться, как вдруг двустворчатые

двери, ведущие в одну из комнат, раскрылись... С румянцем на лице, с сияющими глазами, со слегка растрепанной гривой волос, в великолепном длинном платье с большим декольте вышла, и даже не вышла, а, распахнув двери настежь, выступила она. Лишь мгновение искала она его глазами среди окружающих родных и близких людей. А потом случилось то, чего никак не ожидал ни он, ни кто другой.

Стремительно, как лань, забыв все приличия и свою девичью гордость, она пробежала по гостиной и со слезами бросилась ему на грудь, охватив своими руками его плечи в серой шинели. Глухие, беззвучные рыдания сотрясали ее тело, когда Кирилл с нежностью, любовью, сдерживаясь перед окружающими его людьми, обнял и стал тихонько целовать ее в голову. В гостиной воцарилось неожиданное, полное, но доброжелательное молчание. А Кирилл и Женя утонули в объятиях друг друга.

А потом было недолгое, но радостное застолье, во время которого они сидели рядом, бок о бок, и он держал ее горячую руку в своих руках. Все чокались, выпивали, закусывали. И они тоже со всеми вместе, но как бы и вдвоем, не со всеми. Счастливые, они прятали глаза от всех. Потому что ничто в мире в тот момент не существовало кроме них для них самих. Все собирались в церковь на всенощную. Собирались и они. А потом было долгое и радостное богослужение. И жарко горело множество свечей, и хор торжественно выводил:

– «Рождество твое, Христе – Боже наш, возсия мирови свет Разума. В нем бо звездам служащие, Звездой учахуся...»

И прихожане сотнями голосов радостно, не всегда впопад, но все же многогласно и складно подпевали хору. И они тоже радостно подпевали и улыбались всем и друг другу. Но среди всего этого огромного числа молящихся и радующихся Рождеству они все же оставались только вдвоем перед родившимся, воплотившимся на Белый свет Богомладенцем и Спасителем Мира.

* * *

Страны Антанты начали подготовку мирных договоров с побежденными, для чего созывалась мирная конференция. Франция настояла на том, чтобы конференция проходила в ее столице – в Париже, а точнее в Версале. Парижская конференция начала свою работу 18 января 1919 года. В ней принимали участие представители 27 стран, но ведущую роль в ней играли президент США Вудро Вильсон, премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж и премьер Франции Жорж Клемансо. Побежденные не были приглашены вообще. Не присутствовали и не были приглашены представители России, сотрясаемой Гражданской войной.

Накануне тех событий Вудро Вильсон просил премьера Греции В. Венизелоса обобщить все территориальные при-

тязания Греции к Турции. Тот составил по этому поводу меморандум. В этом документе вся Западная Анатолия должна была войти в Новую Грецию. Стамбул (с населением 360 тысяч греков и 500 тысяч турок), по мнению Венизелоса, следовало бы передать Греции, которая в свою очередь гарантировала бы интернационализацию Проливов. Новую мощную Грецию устроило бы установление протектората грядущей Лиги Наций над Стамбулом и зоной Проливов. Фактически эта зона была бы окружена греческой территорией, а Измир (Смирна) «стал бы вольным городом-портом». Греческий премьер не забыл и Восточную Анатолию, где предполагал создать нечто вроде армянско-греческого государства под мандатом Лиги Наций. Весьма «милое, мирное государство», которое должно было начать свою жизнь с того, чтобы поднять флаг Лиги и депортировать турок. Не сказано было только одно – куда?

Однако проект Венизелоса был положен в дальний ящик. Он показался американской делегации в Париже чрезмерным, поскольку не совпадал с расчетами самого В. Вильсона. Греческий премьер учел высказанное недовольство и в продолжение двухдневных речей (3 и 4 февраля 1919 года) уже в ходе официальных заседаний конференции поддерживал только мандат Лиги Наций на Стамбул, подчеркнув, что Греция, несмотря на 360-тысячное греческое население, «не выдвигает никаких претензий на Константинополь». При этом он продемонстрировал приличное знание

мусульманского богословия и очень неважное знакомство с этнографией и статистикой Малой Азии.

* * *

Как только установился зимний путь в южных областях и губерниях России, войска Красной армии Южного фронта 4 января 1919 года (по новому стилю) перешли в решительное наступление и, сломав упорное сопротивление Донской армии, успешно продвинулись на юг и юго-восток. Развал фронта, который удерживали белоказачьи части, был налицо. Генералу Деникину наконец удалось захватить лидерство в Белом движении на юге. В этих условиях генерал Краснов был вынужден подписать соглашение, положившее начало созданию «Вооруженных сил Юга России», главнокомандующим которыми стал А. И. Деникин. В их состав вошли Добровольческая, Донская и Кавказская (впоследствии Кубанская) армии, а также Черноморский флот. Однако избежать катастрофы Краснову не удалось. 8-я и 9-я армии красных, наступавшие на центральном участке фронта, к концу февраля отбросили деморализованные донские части и вышли на линию Юзовка – Енакиево – южнее Миллерово – восточнее Белой Калитвы. Из 85-тысячной армии генерала Краснова за Северский Донец вырвалось из окружения и отошло не более 15 тысяч человек. Круг спасения Дона отстранил от должности заслуженного генерала и выбрал атаманом

угодного Деникину генерала Богаевского. Остатки Донской армии были переданы в полное подчинение главнокомандующему «вооруженных сил Юга России». Началась немедленная реорганизация и пополнение Донской армии за счет мобилизации донских казаков на территориях, контролируемых Добровольческой армией. Деникину же ценой больших усилий и жертв удалось стабилизировать положение на фронте. Теперь судьба Белого движения в России перешла в руки адмирала Колчака и генерала Деникина.

С большими потугами благодаря борьбе за лидерство в рядах антисоветских и антибольшевистских сил, единство действий белых армий под началом адмирала Колчака все же было достигнуто. Немаловажная роль в этом принадлежала представителям Антанты.

«На нашу дружбу и единение не могут повлиять никакие обстоятельства. Желаю соединиться и встретиться с вами как можно скорее!» – телеграфировал Колчак Деникину в феврале 1919 года.

На эту телеграмму генерал ответил благожелательным письмом. Штабы обеих армий начали координацию своих действий, насколько это позволяли военно-стратегическая ситуация и растянутость линий связи. Главная роль в весеннем наступлении 1919 года отводилась армиям Колчака. Вооруженные силы «Верховного правителя» были сформированы в Сибири. К марту 1919 года они включали в себя Уральскую, Оренбургскую (белоказачью), Западную и Си-

бирскую армии, Южную армейскую группу – всего 91 тысяча штыков и 26 тысяч сабель, 210 орудий, 1330 пулеметов, 5 бронепоездов. Главный удар Колчака был направлен на Уфу – Самару с целью выхода к Волге и соединения с Деникиным. Главный удар наносила Западная армия генерала М. В. Ханжина. Вспомогательный – на Ижевск и Казань – наносила Сибирская армия генерала Р. Гайды. Так на направлении главного удара штабом Восточного фронта создавалось более чем двойное превосходство в силах и средствах. Им противостояли силы армий красных численностью до 84 тысяч штыков и сабель при более слабом пулеметном и артиллерийском обеспечении.

Колчаковские войска перешли в наступление 4 марта. Прорвав фронт красных армий, расчленив их на две отдельные группы – северную и южную, армии адмирала к началу апреля овладели Актюбинском, Оренбургом, Орском, Бугурусланом, Бугульмой, Чистополем, Сарапулом, Уфой. Создавались условия для выхода Белых армий Колчака к Волге и соединения их с войсками Деникина.

* * *

Полиция и жандармерия Стамбула были подчинены назначенному британскому коменданту. Общественные организации и профсоюзы турок разогнаны. Военные долги Турции уточнены – 289 млн золотых лир. Подверглись репресс-

сиям национальные организации арабов, армян и даже греков. В Лондоне в кругах верхнего эшелона власти усмехались и поговаривали: «Турция, конечно, не алмаз в короне Британской империи, как Индия, но после наведения порядка заблестит».

Новый турецкий премьер, британский ставленник, санкционировал массовые аресты среди патриотически настроенной интеллигенции Стамбула и Анкары, не склонной к безусловному подчинению Англии. Нижняя палата парламента, в которой прорывались выступления против Антанты и монархические настроения, была распущена уже 21 декабря 1918 года.

К началу 1919 года согласно Мудросскому перемирию турецкая армия сдала войскам союзников 145 тыс. винтовок, 682 пулемета, до 2 тыс. орудий. Хотя во много раз больше оружия разошлось по всей стране. Однако армейские склады в центральной Анатолии сохранялись в полном порядке, и попыток овладеть складами со стороны каких-либо организованных преступных группировок или их разграбления населением не последовало. Массовое уважение турецкого населения к армии сохранялось даже в условиях полного распада Османской империи. Тем временем британцы заняли Мосул и Александретту. В Стамбуле высадились сначала британские, затем французские и итальянские войска. До 16 марта 1920 года, когда была объявлена официальная оккупация турецкой столицы, войска Антанты осуществляли

функции «проведения в жизнь Мудросского соглашения». За выполнением его условий «наблюдали»: 41,5 тыс. английских, 59 тыс. французских и 17,5 тыс. итальянских войск. Формально турецкие войска насчитывали 50 тыс. штыков и сабель. На деле их было во много раз меньше.

До открытия в январе 1919 года общей мирной конференции в Париже Англия и Франция сохраняли за Османской Турцией внешние признаки суверенного государства. Но фактически они готовили условия для изгнания турок «со всеми пожитками, причем не только из Европы» (как писала западная пресса). Английские войска контролировали всю Багдадскую железную дорогу, включая важнейшие туннели в горах Тавра. Во всех крупных средиземноморских и черноморских портах находились английские гарнизоны. Центральная и Западная Анатолия и район Киликии контролировались штабами британских войск в Стамбуле и Багдаде. В Восточной Фракии и в Аданском вилайете располагались французские экспедиционные войска. Наготове были греческие и итальянские части, чтобы высадиться в Анатолии и оккупировать все сколько-нибудь значительные части Малой Азии. Британцы уже «на законных основаниях» заняли Антеб, древний Мараш, Урфу на территории Сирии. Но местные арабы, курды и турки подняли восстание против британцев. Те жестоко подавили эти выступления. Обострилась ситуация в Самсуне и Трабзоне – на черноморском побережье Малой Азии, где Англия поддерживала идею про-

возглашения греческого Понтийского царства.

Англия и Франция занимали своими войсками наиболее перспективные для них области распадавшейся империи. Стамбул и Армению они решили отдать под мандат США. Были согласованы размежевания в Африке и на Арабском Востоке. Не прошло и месяца, как на исходе февраля 1919 года судьба «больного человека на Босфоре» и османского наследства, казалось, была решена европейскими и американскими душеприказчиками.

Рассчитывая на решение проблемы Западной Армении с помощью Антанты, правительство Армении в феврале 1919 года направило делегацию на Парижскую мирную конференцию. В ее состав вошли А. Агаронян, М. Пападжанян и А. Оганджанян. На очередном заседании конференции Совета десяти в Париже 26 февраля 1919 года был заслушан лидер армянских дашнаков Аветис Агаронян с требованием к державам обеспечить создание «Армянской демократической республики» с выходом к Черному морю и включением в ее состав части турецких земель в Анатолии. Это вызвало сильнейшее оживление у слушавших его учредителей нового порядка. 14 мая Парижская конференция приняла решение о передаче мандата на Армению Соединенным Штатам Америки. Правительство Армении подготовило необходимые материалы и передало их представителю президента США генералу Дж. Харборду. Однако Сенат США после длительного обсуждения отклонил предложение президента

США Вудро Вильсона о принятии мандата на Армению.

Эмир Фейсал из Аравии, еще не Саудовской, но уже проанглийской, требовал примерно того же – исключительно широкого территориально арабского государства к югу от линии Диарбакир – Александретта. Его слушали – не столь внимательно. Союзные державы решили судьбу больших арабских вилайетов как территориально оторванных от остающейся османо-турецкой части. Кроме того, арабы были слишком далеко от Красной (или Белой) России. А вот армяне... Было о чем поразмыслить стратегам из Антанты.

Еще раньше, в марте 1919 года, слово («Покороче, покороче, пожалуйста!» – предупреждал ведущий) было представлено лидеру курдских националистов Шериф-паше. Его слушали вообще вполуха, а уж ассирийцев, пытавшихся требовать возвращения на утраченные в связи с войной родные земли, слушать вовсе не стали.

Первые, т. е. непосредственные виновники, вовлекшие Османскую империю в войну: Энвер-паша, Талаат-паша, Джемаль-паша и Джавид-бей – фактически ушли от наказания либо были вне пределов досягаемости. Разрыв отношений турок с немцами положил конец вопросу о выдаче немецкой стороной лидеров младотурецкой партии, скрывавшихся в Германии. На трех публичных процессах в апреле – июле 1919 года были осуждены как «виновники войны», так и «виновники в войне» (военные преступники). Приговорен к смерти арестованный англичанами губернатор То-

ката Кямилъ Махмуд-паша, инициатор и участник армянской резни 1915 года. Публичная казнь Махмуд-паши через немыслимо позорное для мусульманина повешение стало своего рода искупительной жертвой всего младотурецкого руководства. Мир ислама на Ближнем Востоке содрогнулся от ужаса.

Тем временем, преодолев противодействие командования британских войск в Закавказье, правительство Армении в апреле – мае установило контроль над Карсом, Олти, Кагызваном. Так почти полностью были восстановлены границы Армении 1914 года. Руководство 28 мая объявило страну «объединенной и независимой республикой», заявив, что «для восстановления целостности Армении и обеспечения полной свободы и благосостояния народа Правительство Армении, согласно единой воле и желанию всего армянского народа, заявляет, что с сегодняшнего дня разрозненные части навсегда объединены в независимый государственный союз». В состав парламента Республики Армении были дополнительно введены 12 депутатов – представителей западных армян.

* * *

По всей огромной петле фронтов, охватившей и стягивающей центр европейской Советской России, весной 1919 года развернулась ожесточенная борьба, начался обмен удара-

ми, производимыми белыми и красными армиями с нарастающей силой. Казалось, что петля белых армий и войск Антанты пульсировала на шее молодого революционного государства, то ослабевая, то затягиваясь вновь.

Воспользовавшись тем, что главные силы РККА были втянуты в бои против войск Колчака, генерал Деникин двинул в наступление корпус Добровольческой и Донской армии. Добровольческая наступала от Ростова на северо-запад. Удары наносились веером – на Мелитополь, Бахмут, Луганск. Целью Донской армии было освобождение от красных верховских станиц Войска Донского. Затем они должны были взять Воронеж. Отдельные части Добровольческой армии (сформировавшие в дальнейшем Кавказскую армию) наступали на Царицын, Балашов, и ее полки на отдельном участке выше Царицына вышли к Волге. Войсковая группа генерала Эрдели укрепилась в степях Калмыкии и подошла к побережью Каспийского моря. Ее целью была Астрахань.

В последней декаде марта корпус Добровольческой армии под началом генерала Май-Маевского занял южный район Донбасса. В корпусе насчитывалось до 6 тысяч штыков и 14 тысяч сабель. Восточнее – в направлении на Луганск – наступал корпус генерала Покровского (дивизии генералов Шкуро и Пржевальского) в составе 12 тысяч штыков и 7500 сабель. Им противостояли части 8-й и 13-й армий общим числом 26 тысяч штыков и 3300 сабель. Правда, их поддерживали отряды партизан-анархистов батьки Махно численностью

до 10 тысяч сабель с 20-ю тачанками. И, казалось, силы были равны. Командование Красной армии выделило против корпуса генерала Покровского лишь четвертую часть сил 8-й армии. Основные силы были нацелены на слабейшую, как казалось тогда красным, группу Май-Маевского. Однако белые, в силу подавляющего превосходства в коннице, обладали в несравненно большей степени подвижностью, предприимчивостью и разведкой. Маневр командования красных был ими разгадан. Корпус Май-Маевского временно отступил. Но уже 27 марта войска генерала Покровского перешли в наступление на Луганском направлении и нанесли удар в левый фланг наступающим частям 8-й армии. Этот контрманевр сорвал намеченную операцию красных. Две дивизии 8-й армии вынуждены были изменить направление своего движения. Вместо удара по частям Май-Маевского они вступили в бой с корпусом генерала Покровского. Это, в свою очередь, поставило в тяжелое положение 13-ю армию и соединение Махно. Начальный успех этих войск был быстро сведен на нет казачьей конницей. Ударом кубанской конной группы генерала Шкуро между Мариуполем и Волновахой было нанесено несколько поражений нестойкой в моральном отношении группе Махно. Красные начали отступление по всему Южному фронту. Корпус Май-Маевского в первых числах апреля вновь занял южный Донбасс.

В том наступлении Космин познакомился с новой тактикой, что применили красные в Гражданской войне. Это случилось на железной дороге под Луганском. Еще в бинокль он увидел дымный шлейф, тянувшийся из трубы паровоза, идущего по железнодорожному пути со стороны города навстречу наступающим частям Дроздовской дивизии. Затем, когда уже оставалось версты три-четыре, офицеры и солдаты двух артиллерийских батарей, направляющихся к городу для поддержки стрелковых полков, услышали дальние гудки тяжелого и мощного локомотива. Отдаленный грохот стальных вагонов, раскаты грома тяжелых орудий сотрясли воздух.

– Господа, да это – бронепоезд! Вам приходилось иметь дело с бронированным паровозом и составом? Это новинка, за которую всерьез взялись большевики, – обратился к офицерам командир батареи штабс-капитан Лукин.

– Что, серьезная боевая машина? – спросил кто-то из офицеров.

Все офицеры обратили стекла биноклей в сторону состава, громыхавшего в отдалении колесами, броней и залпами орудий.

– Еще бы! Это вам, господа, не броневик какой-нибудь. Как минимум две батареи орудий (8–10 стволов), да не меньшее количество пулеметов. И все это на скорости железно-

дорожного состава, да под прикрытием толстой брони. Ну а на борт такая адская машина может взять сотню-другую стрелков для прикрытия, — отвечал Лукин.

— Будем встречать этот броненосец на колесах? Как прикажете, господин штабс-капитан? — задал вопрос Космин, у которого заныло под сердцем.

— Всенепременно, прапорщик. Приказываю! Быстро развернуть батарею вот в той рощице, что в версте от чугунки. Орудия замаскировать в кустах ветками! Благо зелены уже обрызгало. Космин, займитесь этим. А я свяжусь с нашей 1-й батареей. Надо предупредить их.

В течение получаса 2-я батарея дивизии была развернута орудийными стволами в сторону железной дороги и замаскирована. Люди приготовились к артиллерийской дуэли с бронированным чудовищем. Состав красных двигался неторопливо и, видимо, успешно обстреливал стрелковые части дроздовцев. Однако это и отвлекло его командира и экипаж. Они не заметили батареи, укрытой недалеко от железнодорожного полотна. Орудия бронепоезда были развернуты на восток и вели огонь по дальним целям. Полотно дороги делало в этом месте поворот на запад. Батарея расположилась южнее состава. Когда до поезда оставалось чуть больше версты, командир батареи приказал зарядить бронебойными и наводить. Поезд медленно полз, громыхал броней на стыках, а пушки его методично утюжили позиции дроздовцев где-то в двух-трех верстах восточнее.

– Орудия на прямую наводку! Наво-оди!.. Батарея, по бронепоезду пли! – скомандовал Лукин.

«Б-бах-ах-х-х!» – извергли орудийные стволы.

Какое-то время бронированная паровая машина еще двигалась на юг. Но в бинокли было видно, что красные стали разворачивать башенные пушки.

– Батарея! Огонь! – вновь крикнул Лукин.

Орудия послали снаряды красным очередной раз. Несколько снарядов попало в цель. В составе задымилось два вагона.

– Заряжай гранатами! Прямой наводкой!.. Пли! – орал командир батареи.

Батарея успела дать еще два залпа и явно нанесла чувствительный урон бронепоезду. Тот остановился, развернул орудия на юг и начал класть снаряды по роще. Однако красные явно не видели батареи белых. И в этот момент откуда-то с востока по бронепоезду ударили пушки 1-й батареи дроздовцев. Вероятно, один снаряд попал в паровоз и что-то повредил там. Орудия красных зло огрызнулись. Поезд остановился. По роще ударили пулеметы. Среди артиллеристов сразу появились раненые.

– Прапорщик, немедленно оставить позицию! Орудия на передки! Уходим южнее! – прокричал Лукин.

Космин велел исполнять. Орудийная прислуга засуетилась. Пули «максимов» секли и срубали ветви деревьев и кустарников, оперившиеся молодыми листочками, в щепки

крошили стволы тополей и акаций. Но орудия были быстро впряжены, а раненые посажены на передки. Через четверть часа батарея Лукина оставила рощу и укрылась в широком логу. Пули и снаряды красных стали безопасны. Но бронепоезд еще минут двадцать поливал рощу.

– Да, вот она – сила бронированных машин и их орудий, тем более на такой мощной тяге, – промолвил Лукин, снимая фуражку и утирая пот на лбу. – Господа, а вы слышали что-нибудь о танках?

– Что-то очень неопределенное и смутное. Танки? Подобие наших броневииков? – спросил Космин.

– О нет, прапорщик! Наши броневики на колесном ходу и не столь маневренны. А французские и британские бронированные машины на гусеничном ходу, и потому бездорожье им не грозит. Двигатели их машин более мощные. Кроме того, у них на борту не только пулеметы, но и орудия, – отвечал командир батареи.

– А что такое гусеничный ход?

– О, неужели вам никогда не приходилось видеть, как передвигается гусеница-сороконожка? Это нечто подобное. У танков гусеница – это стальная лента, набранная из соединенных штифтами стальных ребристых пластин – траков. И таких гусениц две – по левому и по правому борту машины.

– И что ж, на этих машинах вообще нет колес? – с интересом спросил Космин.

– Нет, колеса есть, но они внутри гусеничной ленты, они

вращают гусеницы, – рассказывал Лукин.

– Однако, как война двигает науку и прогресс! – произнес кто-то из офицеров.

– Господа, вы еще не имели дело с аэропланами! А вот мне приходилось, – сказал командир батареи.

На следующий день стало известно, что бронепоезд красных был очень сильно поврежден артиллерией дроздовцев и с трудом на малом ходу вернулся в Луганск. Наступление частей Добровольческой армии успешно продолжалось. За тот бой у железной дороги Космин получил очередное звание и стал подпоручиком. Многие солдаты и офицеры получили тогда награды и повышения.

В степи юга России пришел теплый, солнечный апрель. Вот тогда в верховских станицах Дона и вспыхнуло небывалое по силе и масштабу антисоветское, антибольшевистское восстание. Оно всколыхнуло и потрясло все российское общество, сотрясло основы молодой Советской Республики, заставило большевиков внимательно приглядеться к казачьей и крестьянской основам российской государственности.

* * *

Положение на Восточном фронте было угрожающим. На Дону ширилось и разворачивалось казачье восстание. Войска адмирала Колчака приближались к Самаре, Симбирску,

Казани. Остановить наступление Колчака войска РККА под руководством С. С. Каменева не смогли. Образовавшийся разрыв на фронте шириной в 150 км в низовьях реки Вятки закрыть было нечем. Оценив тяжелую ситуацию на Восточном фронте, ЦК РКП(б) во главе с Лениным разработал «Тезисы в связи с положением на Восточном фронте». Были приняты срочные меры по стабилизации положения и разгрому белых армий Колчака. В конце апреля – в мае на Восточный фронт велась переброска значительных воинских сил, вооружения, боеприпасов. К началу мая силы красных на Восточном направлении насчитывали 143 тысячи штыков и сабель, 511 орудий, 2455 пулеметов. Фронт был разделен на Северную группу войск (командующий В. И. Шорин) и Южную группу войск (командующий М. В. Фрунзе). План контрнаступления, разработанный Фрунзе, предусматривал разгром основных группировок противника на уфимском и сарапуло-пермском направлениях. Главный удар должна была нанести Южная группа войск из района Бузулука на Бугуруслан, Белебей, Уфу с целью разгрома растянувшихся здесь на фронте в 450 км войск Западной армии Колчака. Северная группа фронтальным ударом на Сарапул и Воткинск наносила удар по Сибирской армии. Для осуществления замысла операции к концу апреля была осуществлена перегруппировка войск. На направлении главного удара было сосредоточено до $\frac{2}{3}$ пехоты, вся кавалерия, конница и артиллерия красных на Восточном фронте.

На должность начальника 25-й дивизии после короткого периода учебы в академии Чапаев был назначен Михаилом Фрунзе – командармом 4-й армией в феврале 1919 года. Дивизию опять формировал сам Василий Иванович в основном из им же собранных частей 22-й Николаевской дивизии и ряда рабочих отрядов. Фрунзе правильно оценил качества военачальника из народа. Тот редко оборонялся и почти никогда не отступал. И оборонительные задачи решал он смело, даже дерзко. В апреле на реке Боровке, севернее Бузулука, боевые действия вела 73-я бригада 25-й дивизии. Фрунзе возложил на бригаду задачу прикрытия района сбора ударной группы Восточного фронта. Группа должна была нанести фланговый удар по белой армии Колчака, наступавшей к Волге. Сбор ударной группы еще не был закончен, когда на Бузулук нацелилась 11-я Уральская дивизия белых. Казалось, 73-я бригада имела пассивную задачу, но Чапаев принял на себя руководство действиями соединения. В предстоящем бою он лично расположил части 73-й бригады: сильные ударные кулаки на флангах и слабую сковывающую группу (два батальона на широком фронте) в центре боевого порядка. Судьба схватки вновь решалась ударом мощной фланговой группы. Чапаев неожиданно перешел в наступление и нанес 11-й Уральской дивизии мощный удар, отбросив ее далеко на север, за реку Кинель.

Боевое новаторство Чапаева не знало шаблонов. Походные движения красных дивизий, как правило, совершались в

бригадных колоннах. Но когда 9 мая 1919 года 25-я дивизия двинулась к Бугульме, разведка донесла Чапаеву о встречном движении белых. Он организовал маршевый порядок на широком фронте, приказав бригадам двигаться в полковых колоннах. В итоге белогвардейцы сразу были охвачены превосходящими силами красных полков и понесли поражение по частям. В боях 9–11 мая у селений Татарский Кандыз и Секлетарка были разбиты две дивизии белых.

Фрунзе телеграфировал тогда командованию соседней Туркестанской армии:

«Противник, сосредоточив к востоку от Бугульмы сильную группу, перешел 9 и 10 сего числа в контрнаступление, обрушившись на 25-ю дивизию. В результате двухдневных кровопролитных боев враг разгромлен. Ижевская бригада и 4-я Уфимская дивизия белых понесли тяжелый урон. Красными взято за два дня свыше 2000 пленных, 3 орудия, много пулеметов и другого оружия. Остатки разбитого врага стремятся спастись поспешным отступлением на восток...»

* * *

Еще в сентябре 1918 года Али был ранен пулей в левое плечо в том памятном бою под Орловкой, когда сам Чапай водил кавалерийский полк в атаку под шквалом пулеметных очередей. Недолго парень валялся в лазарете в Николаевске. Молодость и задорный характер взяли свое. Не долечился он

и сбежал в свою дивизию. Рана побаливала, особенно вечерами и в плохую погоду, но он не обращал внимания. Главное – его окружали верные друзья-товарищи. Правда, дивизия временно не вела боевые действия, может, оттого, что Чапая послали на учебу в Москву – в Академию, а может, потому, что на осень и начало зимы пришлась сильная распутица и лили затяжные холодные дожди. Но в январе выпал снег, грянули морозы, установилась сухая, солнечная погода. На Южном фронте – на Дону – Красная армия наступала и гнала белых казаков. Слухи об этом приходили в Николаевск самые радостные. А тут в феврале возвратился сам Чапай, и закрутилось...

Новенькая черкеска у Али полиняла и оборвалась, бешмет выцвел. Большая туркестанская папаха потерялась еще в бою под Орловкой. Мягкие сапоги украли, пока он был лежащим в лазарете. Но Али не унывал. Добыл себе сапоги солдатские, кирзовые, папаху хоть и старую, но кубанку. А главное, кинжал, шашка-гурда и винтовка были всегда с ним.

Как-то в начале апреля заскучал Али по своей Чулпан. Решил провести и посватать ее. Отпросился у Салима на четыре дня и ускакал с двумя своими друзьями в знакомый аул, что на реке Камелик. Один друг его – татарин-строитель Керим, другой – русский Митрохин (а попросту Митроха, из русских пастухов). Все при винтовках, шашках, гранаты на поясах. Пусть попробует хитрый Абдула – отец Чулпан отказать такому зятю. Обойдется и без калыма. Весело проска-

кали они сохнувшей весенней степью на юго-восток сто верст от Николаевска. Были, правда, настороже, потому, что нет-нет да появлялись в тех местах казачьи разъезды. Ночевали в степи у костерка, что развели в логоу. В аул прибыли к вечеру следующего дня. Людей на улице мало: бегали мальчишки, сидели возле домов старики. Подъехали к дому, где жила Чулпан. Спешились. Винтовки – наизготовку, затворы перердернуты. Кто знает, есть ли белые в ауле. Керим подошел к плетню, позвал Абдулу. Тот степенно, неторопливо, но с опаской вышел. В левой руке – камча, правая – за пазухой телогрейки.

– Кого привел Аллах к моему дому в этот вечерний час? – спросил он.

– Здравствуй Абдула, долгих лет жизни и здоровья тебе и всей твоей семье. Это я – Али, бывший чабан Юлдузбаева.

– Аллах милостив. Благодарю и тебя. Что хочешь, Али? Что привело тебя к моему дому?

– Помнишь ли, узнаешь ли меня, Абдула?

– Помню тебя мальчишкой, чабаном. А теперь ты – аскер! Слышал я, что ты ушел к красным и воюешь у Чапая?

– Да, я у красных. Прости, что нарушаю наш закон, Абдула, но я хочу увидеть Чулпан и поговорить с ней. Ты отец, будешь стоять недалеко и видеть все.

– Зачем тебе моя дочь, Али?

– Я хочу спросить ее при тебе и при моих товарищах, пойдет ли она замуж за меня?

– Ты опоздал, Али. Чулпан уже сосватана и выдана замуж за одного именитого человека. Слава Аллаху! – и огладил свою бороду левой рукой, не оставляя камчи.

– Ты лжешь, Абдула! – воскликнул Али и вскинул винтовку.

– Аллах свидетель! В моих словах одна правда. Убьешь меня, тебе отомстят, – ответил Абдула и вытянул револьвер из-за пазухи.

– Где теперь живет Чулпан? В каком она ауле или городе, отвечай! Иначе сожгу твой дом! – закричал Али, в голову которого от волнения ударила кровь.

– Ступай отсюда, красный аскер! Не услышишь от меня более ни единого слова! Иншаллах! – произнес Абдула и, развернувшись, твердо пошел в дом.

Али скрипнул зубами, влетел в седло.

– Ну, погодите же, белые сволочи! Я еще весь ваш аул поставлю на дыбы! – прокричал он и огрел плетью коня.

Кривые улочки тихого степного башкирского аула огласил топот копыт. Три всадника оставили его, кони унесли их в степь – на северо-запад, в Красную армию.

* * *

Вновь весна утвердилась в степи. Тянул южный ветерок. Вечернее солнце бросало прощальные, теплые ласковые блики на лица людей, тускло поблескивало на стволах орудий,

сияло на гранях примкнутых штыков. Офицеры обосновались на биваке у костерка, под открытым небом. Небольшой котел с картошкой булькал кипящей водой, закипал на открытом огне. Пили самогон, обмывали звездочки Космина и еще двух произведенных офицеров артиллерийских батарей дроздовской дивизии. Навестить и поздравить Кирилла приехал Петя Усачев.

– А что, господа, броневики, бронепоезда, танки, аэропланы, аэростаты – яркая страница современной войны и прогресса, – рассуждал подвыпивший командир 2-й батареи Лукин.

– Да, сложно представить, что ожидает человечество в грядущих войнах, – промолвил Космин в задумчивости. – Ведь войны не прекратятся почти до Страшного Суда, как свидетельствует Библия, – добавил он негромко.

– Отчего же сложно представить? Скорее наоборот. Грядущее человечество будет воевать, и войска будут уничтожать противника, не сближаясь с ним в штыковых или в кавалерийских сшибках, с расстояния в десятки, сотни верст. Будут изобретены и опробованы новые артиллерийские системы, аэропланы, танки и ракеты, наконец. Господа, вы слышали о ракетах? – стал рассказывать представленный к званию молодой поручик Константинов из 1-й батареи.

– Ракетницы? Неоднократно видели на германской войне, – отвечал Лукин. – Это сигнальная система.

– Нет, господа, ракеты – это оружие, которое уже приме-

няли в русской армии в прошлом веке. Его применяли неоднократно и успешно. Но оно дорогостоящее, – отметил молодой поручик.

– Уж не знаю о ракетах, хотя рассказывали в юнкерском училище... но, господа, животрепещущим делом нашей российской внутренней войны, как ее именуют, «гражданской», становится и далее, поверьте мне, все сильнее будет сказываться дело применения кавалерии, а еще точнее – конницы, – отметил Лукин.

– Помилуйте, господин штабс-капитан! Донская казачья конно-кавалерийская (по своему основному составу) армия разгромлена пулеметами, артиллерией, броневиками и бронепоездами красных, – с удивлением и упреком произнес Усачев и поерзал, сидя на кавалерийском седле, положенном на землю. – Поэтому думаю, что наш успех будет в значительной степени зависеть от военно-технической помощи союзников по Антанте.

– Да-с, поручик. Но, поверьте, скоро красные сами используют многовековой опыт казаков. А тут еще и современная армия анархистов этого Махно из Гуляйполя. Вы слышали о тачанках? Ведь это же надо догадаться пулемет «максим» укрепить на легкой четырехколесной повозке. В тачанку запрягают тройку, а то и четверку коней. Пулеметы на быстрых колесах... Десять таких тачанок могут легко остановить лаву кавалерийского полка или даже бригады. Уже опробовано... – стал рассказывать Лукин.

– Невероятно! – воскликнул Усачев.

– Вообще эта наша Гражданская война ведет Россию дорогой анархии и архаизации военного дела, – отметил Космин. – Подумать только, возрождение и широкомасштабное использование кавалерии и конницы.

– Это вполне объяснимо, подпоручик, при необъятных российских территориях, большой мобильности и подвижности противоборствующих коалиций, – подметил Лукин.

– Прибавим к этому разоренную промышленность, отсутствие налаженных финансовых систем и недостаток материальных средств у всех правительств, которые существуют ныне на территории России, – отметил Константинов.

– Нас ожидает возрождение конно-кавалерийских дивизий и даже целых армий, – сказал Лукин.

Разговор еще долго вращался вокруг подобных тем, но Кирилл подсел поближе к Петру и заговорил с ним о Жене. Петя стал ему не только другом, но с некоторых пор и родным человеком. Усачев недавно опять побывал в Ростове и явно привез какие-то новости.

– Ба, дружище, да у меня к тебе письмо от нее. Совсем забыл с этой попойкой. На, читай, – с этими словами он достал из кармана новенькой гимнастерки запечатанный конверт и передал Кириллу.

В прыгающих бликах пламени костра Космин узнал почерк любимой женщины и с трудом начал читать. Разговор сослуживцев и друзей не мог отвлечь его.

– «Милый мой! Желанный, здравствуй! Петя передаст тебе это письмо, когда я с отцом уже уеду из Ростова. – Сердце у Кирилла упало, в глазах померкло. – Но ты поймешь меня, любимый. Теперь мне уже нельзя оставаться в этом городе. Слишком близко война. Раньше это было можно, но теперь нельзя, все изменилось. Думаю, ты с радостью должен принять это известие. После наших трепетных отношений, что начались между нами со Святки, я понесла. У нас будет ребенок...» – сердце у Кирилла рванулось и, казалось, чуть-чуть не выпрыгнуло из груди.

– Боже, что это!? Как это!? Я буду отцом!.. Что это? Я знаю, что значит быть сыном, братом, пасынком, кем угодно. Но быть отцом?.. – пронеслось в голове Космина.

* * *

Дальнейшая борьба без вливания свежих сил, новых подкреплений была немыслима. И здесь в сильнейшей степени начало сказываться влияние антисоветского Вешенского восстания – уже не только в отношении моральной и политической поддержки белых, но как фактор, отвлекающий значительные силы красных с Южного фронта. К началу мая восстание охватило громадный район. Численность восставших к концу апреля доходила до 30 тысяч бойцов при 27 пулеметах и 6 орудиях. Их действия далеко перехлестнули границы Вешенского района. Повстанцы покушались на ком-

муникации и линии связи красных армий, грабя обозы, нарушая железнодорожное сообщение, затрудняя управление армиями, главным образом 9-й. Наличие такого крупного и территориально, и по числу бойцов района восстания, служившего магнитом для белых, сказалось и на всем последующем ходе операций фронта.

Из-за разрозненности действий красных армий фронта и крайне слабой их моральной устойчивости Добровольческая армия начала проявлять широкую стратегическую активность и, умело маневрируя своими конными частями, всюду имела успех и укрепляла свое положение. Весной 1919 года перед белым командованием вновь встал все тот же вопрос: куда и где наносить главный удар? Положение, которое заняла 10-я армия красных на Маныче, заставляло белых невольно принимать все меры для противостояния ее угрозе с северо-востока. И это тоже заостряло вопрос о направлении главного удара, и еще сеяло великие сомнения в стане белых. В этом вопросе столкнулись точки зрения двух самых крупных лидеров Белого движения – Деникина и Врангеля. Эти разногласия, возникшие вначале на принципиальной почве, скоро перешли в чисто личные, неприязненные, а затем и прямо враждебные отношения, которые в дальнейшем вылились в борьбу за власть, а затем решили судьбу Белого движения.

Генерал Врангель, к тому времени командующий Добровольческой армией, которому был подчинен Май-Маевский,

считал единственно правильным и главнейшим направление на Царицын, имея в виду установление связи с Колчаком. Для этого он не останавливался перед сдачей красным каменноугольного Донецкого района, в котором, по его мнению, белым все равно было не удержаться. Всю Добровольческую армию, по мнению Врангеля, следовало перебросить на Царицынское направление и, прикрываясь Доном, вести наступление ее силами.

«КОМАНДУЮЩИЙ КАВКАЗСКОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕ- СКОЙ АРМИЕЙ

4 апреля 1919 года

№ 82

город Екатеринодар

СЕКРЕТНО

*Главнокомандующему Вооруженными Силами
на Юге России*

Рапорт

Прибыв в Екатеринодар после болезни и подробно ознакомившись с обстановкой, долгом службы считаю высказать следующие мои соображения.

1. Главнейшим и единственным нашим операционным направлением, полагаю, должно быть направление на Царицын, дающее возможность установить непосредственную связь с армией адмирала Колчака.

2. При огромном превосходстве сил противника действия одновременно по нескольким операционным направлениям невозможны.

3. После неудачной нашей операции на Луганском направлении мы на правом берегу Дона вот уже около двух месяцев лишь затыкаем дыры, теряя людей и убивая в них уверенность в своих силах.

4. В ближайшем месяце на севере и востоке России наступает распутица, и, вопреки провокационному заявлению Троцкого о необходимости перебрасывать силы против армии адмирала Колчака, операции на этом фронте должны приостановиться и противник получит возможность перебросить часть сил на юг. Используя превосходство сил, противник сам перейдет в наступление от Царицына, причем создастся угроза нашей базе.

5. Необходимо вырвать, наконец, в наши руки инициативу и нанести противнику решительный удар в наиболее чувствительном для него направлении.

На основании вышеизложенных соображений полагал бы необходимым, отказавшись от активных операций на правом берегу Дона, ограничиться здесь лишь удержанием линии устье Миуса – станица Гундоровская, чем прикрывается железная дорога Новочеркасск – Царицын. Сокращение фронта на 135 верст (0,4 фронта, занимаемого ныне до Гундоровской) даст возможность снять с правого берега Дона находящиеся здесь части Кавказской Добармии, использо-

вав их для действий на главнейшем направлении. В дальнейшем, наступая правым флангом, наносить главный удар Кавказской Добрармией, действуя от Торговой вдоль железнодорожных линий на Царицын, одновременно конской массой в две-три дивизии обрушиться на степную группу противника и по разбитии ее двинуться на Черный Яр и далее по левому берегу Волги в тыл Царицына, выделив небольшую часть сил для занятия Яшкульского уезда и поднятия сочувствующего нам населения Калмыцкой степи и низовья Волги. Время не терпит, необходимо предупредить противника и вырвать у него столь часто выпускаемую нами из рук инициативу.

Генерал-лейтенант *Врангель*».

Деникин резко возражал против этого предложения. Он считал, что донцы не смогут удержаться ни одного дня на правом берегу Дона и Красная армия получит полную возможность ударить в обнаженный фланг Донской армии. Так красные смогут выйти на Ростовское направление: «...план этот (генерала Врангеля) приводил к потере не только каменноугольного бассейна, но и правобережной части Донской области с Ростовом и Новочеркасском, к деморализации Донской армии и к подрыву духа восставших казаков Верхнедонского округа».

Далее Деникин рассуждал: «...я хотел удержать в наших руках Донецкий бассейн и северную часть Донской области по соображениям моральным (поддержание духа Донского

войска и восставших казаков), стратегическим (плацдарм для наступления кратчайшими путями к Москве) и экономическим (уголь). Я считал возможным атаковать или, по крайней мере, сковать действия четырех большевистских армий севернее Дона и одновременно разбить 10-ю армию на Царицынском направлении. А наше победоносное наступление, отвлекая большие силы и средства Советов, тем самым облегчало бы в значительной степени положение прочих белых фронтов».

Таким образом, Деникин считал очень важным остановить действия красных сил на Царицынском направлении, но он не считал возможным отказываться при этом от защиты Донбасса и Дона, которые должны были послужить ему исходными районами для наступления на Москву. Если вспомнить, что именно к этому периоду времени (вторая половина апреля 1919 года) относится развитие Уфимской операции армий Колчака, то легко понять серьезность того положения Советской власти, в котором она оказалась в результате реального взаимодействия двух фронтов контрреволюции. Но это взаимоотношение достигалось вовсе не выходом главных сил белых на Юге именно на Царицынское направление. Оно не достигалось и соединением крайних флангов Колчака и Деникина (как бы слабы или сильны они ни были). Но оно достигалось нанесением красным решающих ударов, решительных поражений, увязанных во времени с развитием успеха в овладении наиболее важными, жиз-

ненными центрами Республики Советов. На Южном фронте это были Донбасс и Орловское направление, а не Царицынское, несмотря на исключительную важность Царицына и на то значение, которое мог бы иметь захват белыми Царицына в период времени, когда наступление Колчака и Врангеля не успело выдохнуться.

Итак, Деникин остался, в общем, при своем прежнем плане действий, но начал принимать решительные меры, чтобы отвязаться от угрозы со стороны Царицына. 27 (14 по старому стилю) апреля он предложил барону Врангелю, который после выздоровления от тифа находился в Екатеринодаре, объединить командование всем Манычским фронтом. Врангель выставил условием переброску на Царицынское направление всего штаба и органов снабжения Кавказской (Добровольческой) армии. Тогда Деникин решил лично принять руководство операциями на Маныче и 1 мая (18 апреля) переехал из Екатеринодара в Тихорецкую. К 3 мая (20 апреля) сосредоточение войск Манычского фронта было закончено, и Деникин отдал директиву «разбить и отбросить противника за Маныч и Сал». А группе Улагая – развить успех, перехватив железную дорогу. 4 мая началось наступление белых, и к 8 мая 10-я армия с упорными боями отошла за Маныч.

Тем временем напор красных на северо-западе на корпус Добармии Май-Маевского становился все отчаяннее. 8 мая (25 апреля) начальник штаба доносил, что Май-Маевский склонялся к решению об общем отходе корпуса. Ге-

нерал Врангель в тот момент указывал: «В случае полной невозможности удержать фронт отходить, прикрывая Иловайскую, в Таганрогском направлении». Деникин решил, однако, сохранить фронт и не давать директиву об отступлении.

После отхода 10-й армии за реку Маныч из войск Царицынского фронта была образована новая Кавказская армия. Во главе армии был поставлен барон Врангель (на этот раз согласно его желанию), а командиром прежней Кавказской Добровольческой армии, переименованной в Добровольческую, был назначен Май-Маевский, от которого, как пишет Деникин, «с тех пор тревожных сведений не поступало».

Между тем на фронте Донской армии 5 мая конница генерала Секретова сбила части левого фланга 8-й армии красных и прорвалась в направлении на Белое, ввиду чего командарм 8-й отдал приказ об отходе от Луганска в северо-западном направлении (на линию Белое – Желтое, ближе к станции Родаково). Части Добрармии быстро заняли Луганск.

Тем временем 9-я армия приступила к выполнению директивы командюжа от 30 апреля № 3442, согласно которой она должна была овладеть железнодорожным участком Лихая – Зверево и выйти на фронт Гундоровская – Зверево. В течение 6–9 мая ударные группы 16-й армии и 23-й дивизии, преодолевая упорное сопротивление, с трудом продвигались в указанный им район. Там они встретили ожесточенное сопротивление и под давлением белых отошли в исход-

ное положение. Весь комсостав наступающих групп, до командиров рот включительно, выбыл из строя. В некоторых полках осталось по 120 штыков. Белые потеснили части 8-й армии красных, бросив свою стремительную конницу через Белое на Родаково 7 мая. Это вынудило 8-ю армию к 10 мая отойти далее на север. В тот же день конница белых переправилась через Донец севернее станицы Гундоровской. В середине мая 8-я, 13-я и 2-я Украинская армии еще пытались восстановить положение на Донбассе, был даже вновь взят Луганск.

Но в тылу красных армий широкой волной разливались крестьянские и казачьи восстания. Атаман Григорьев поднял новое восстание, захватившее Елизаветград, Знаменку и Александрию. Красным предстояло неизбежным столкновение с Махно, поведение которого становилось вызывающим. По всей Украине действовали «атаманы», не признававшие никакой власти. Хотя эти восстания были ненадежной союзной силой для Деникина, но они расстраивали фронт красных армий, и главнокомандующий силами Юга решил ими воспользоваться.

Будучи, видимо, хорошо ориентирован в состоянии тылов Южного фронта через своих агентов, Деникин двинул свои армии в решительное наступление в следующих направлениях:

а) Освободившиеся части белых на Северном Кавказе после разгрома войск Каспийско-Кавказского фронта должны

были выделить отряд для движения на Астрахань.

б) Кавказская армия (так были названы части, действовавшие на Царицынском направлении) получила задачу взятия Царицына.

в) Донской армии было приказано разбить Донскую группу красных войск и, наступая на линию Поворино – Лиски, очистить от красных войск север Донской области, причем, войдя в связь с восставшим Вешенским районом, армия должна была отрезать район Царицына от Поворина.

г) Наконец, Добровольческая армия имела наиболее ответственную задачу по разгрому 13-й и 8-й армий на путях к Харькову.

Таким образом, белые упредили красные армии Юж-фронта в начале активных действий. Разновременность действий красных армий, попеременное проявление ими активности позволили белым широко пользоваться подвижностью своих частей и перебрасывать их на любое направление по мере возникновения надобности в этом.

Первый удар был направлен против Махно и 13-й армии. К 23 мая задача эта была выполнена. Части Махно, а за ними и 13-я армия были отброшены на запад и на северо-запад.

* * *

Кони идут шибкой рысью, катя орудия по утопанной и уже пыльной грунтовой окольной дороге на Бахмут. Жарко и

ярко заливая все своими лучами, слепя глаза, на синем небе-
своде сияет высокое солнце конца мая. Южный порывистый,
теплый ветер в спину и в левый бок. Вдоль дороги тут и там
пирамидальные тополя шелестят под ветром серебристо-зе-
леной листвой. Где-то далеко на северо-востоке, как горы,
высятся пирамидальные отвалы земли, вывернутые из глу-
бин подземных угольных шахт на Божий свет. Грохочут пе-
редки и зарядные ящики. Космин вслед за Лукиным погоня-
ет коня, слегка прищпоривая его и понукая поводьями. 2-я
батарея дроздовского артдивизиона в деле. Рядом по обочи-
нам наметом одна вслед другой, обгоняя батарею, колонна-
ми летят сотни кубанской конницы. Кони храпят, ржут. Уса-
тые и бородатые казаки в черкесках и бешметах, в лохматых
папах, кинжалы и шашки в серебре на поясах, лихо пого-
няют коней, свистят, вытягивают клинки, снимают винтовки
из-за спины, передергивают затворы. Земля катится под ко-
пыта лошадей. Из-под кованых копыт пыль и ошметки зем-
ли. Пахнет дымом и гарью. Впереди горят постройки како-
го-то небольшого придорожного хуторка.

Разрывы снарядов слева от дороги разворачивают вспа-
ханную землю и зреющие зеленя, осыпают казаков и батарею
комьями и осколками. Кони шарахаются в сторону. Рядом
стонет раненый.

– Со-отня! Вертай коней вправо! За мной, рысью марш-
марш! – орет подъесаул в черной черкеске и белой лохматой
папаше, указывая гурдой на юго-запад.

– Батарея! Слу-ушай! Сводить коней с дороги вправо! Идти вслед коннице! – командует Лукин.

– Лошадям орудия по пашне тащить, господин штабс-капитан! – предупреждает Космин.

– Знаю, подпоручик. Дорогу-то они, верно, хорошо пристреляли, сукины дети! Научились ведь стрелять из пушек! – кричит в ответ Лукин.

– Научили, наверно, – поправляет Космин, съезжая вслед за командиром батареи с дороги.

Зреющая пшеница хлещет коней по бабкам и коленям. Тысячи лошадиных копыт топчут ее.

– Вот она, война! Ведь свои же хлеба травим! – мелькают мысли в голове Кирилла, и далекие детские воспоминания и образы родных полей, полных зреющей пшеницы в их поместье на Тамбовщине, вдруг осеняют его.

Кирилл, тряхнув головой, отгоняет воспоминания. Зреющее пшеничное поле быстро плывет и качается перед глазами. Верстах в трех севернее показываются пригородные хаты с соломенными крышами. Слева, с высот, с версту от батареи ударили пулеметы противника. Бьют по казачьей колонне, но неточно.

«Б-ба-ахх!» – рвется граната над казачьими сотнями метрах в ста от артиллеристов. Раненая казачья лошадь ржет, встает на дыбы и валится на бок, подмяв верхового. Казаки рассыпаются по полю.

– Батарея! Погоняй! Марш, марш! – орет Лукин.

– Подпоручик, головное орудие вон на тот курган! Я – посмотреть, что там копаются сзади! – кричит он Космину, указывая концом нагайки на высотку метрах в ста пятидесяти северо-восточнее.

Космин прищипоривает коня и скачет к головному орудию. Артиллеристы быстро разворачивают лошадей и направляют их туда, куда указывает офицер. Кирилл несется впереди. Недалеко в спеющих хлебах стоит еще разгоряченный конь под дорогим казачьим седлом. Он похрапывает, ржет, и, опуская голову, обнюхивает павшего.

– Криницын, слетай-ка, братец, туда, посмотри, живой ли! – кричит Космин заряжающему на всем скаку. – Если ранен, тащи его на батарею!

– Есть, вашбродь! Иделаем! – в ответ ему.

Ветер свистит в ушах. Конский топот. Погромыхивают передок и ящики. Свист кнута. Молотят пулеметы. Рвется граната. Вдали левее кубанцы разворачиваются в лаву и слышится:

– Урра-а-а!

Он влетает на курган. Пенсне болтается на шнурке. Бинюкль к глазам. Разгоряченный конь переступает с ноги на ногу, мешая всмотреться. Кирилл похлопывает, поглаживает его по шее, по холке, успокаивает. Всматривается. С высоток бьют три пулемета, а на склоне разворачивается батарея красных.

– Расчет, быстрее установить орудие! Развернуть вот туда,

на запад! Быстрее! – командует Космин.

Артиллеристы спрыгивают с коней, с передка, с лафета. Бегут, отцепляют, катят, разворачивают.

– Наводи на ту высоту! – указывает он концом кнута. – Заряжай! Наводи! Прицел 27! Нет – 28! – вновь командует Космин, вглядываясь в стекла бинокля. – Огонь!

Земля слегка дрожит под ногами. Клубится пороховой дым. Подкатывают другие орудия батареи. Лукин командует сам. Орудия бьют по высотам у города. Кирилл вглядывается в стекла бинокля. Разрывы снарядов вспахивают высоты. Два пулемета противника смолкают. Но открыла огонь его артиллерия. Снаряды рвутся по склону кургана. Вздывается вверх и сыплется земля на головы артиллеристов. Сердце стучит, молотит в груди... Артиллерийская дуэль! Космин разворачивается на север и видит, как казачья лава врывается на окраины города.

У подножия кургана встает 3-я батарея их дроздовского артдивизиона. Орудия развернуты и всеми стволами отряывают огонь по артиллерии противника. Бой идет уже около часа. Но Космину кажется, что прошло всего минут десять...

В бинокль видно, что цепи красных пытаются контратаковать в правый фланг кубанцев. В громе боя Космин зовет Лукина и показывает ему туда плетью. Командир батареи кивает головой, велит развернуть два орудия и бить по стрелковым цепям противника. Орудия развернуты и извергают огонь. Клубится пороховой дым. В воздухе завеса пыли и га-

ри. Но в бинокль сквозь разрывы дыма и пыли видно, что красная пехота отходит. Космин снимает фуражку и вытирает высокий вспотевший лоб платком...

* * *

С потерей 1 июня красными Бахмута 13-я армия перестала представлять собой какую-либо серьезную опасность для белых в силу своего почти полного разложения, равно как и части Махно, который никогда не внушал доверия красному командованию. Белые, таким образом, получили возможность совершить крупные переброски к своему центру и на правый фланг, что и определило их дальнейшие цели на всем фронте. Несмотря на успехи, командование белых проявляло все же крайнюю осторожность в реализации планов своих операций. Обеспечив себя на левом фланге, белые, прежде чем перейти в решительное наступление на своем главном направлении (против 9-й армии), сделали все необходимое для обеспечения этой операции с правого фланга. Конница Мамонтова 21 мая заняла станицу Великокняжескую, чем вынудила 10-ю армию начать отход. Правый фланг этой армии отошел к станице Каргальской, что определило наличие разрыва протяжением около 100 верст между флангами 9-й и 10-й армий. Тогда, вводя в действие свежие силы, белое командование приступило к своей главной операции – соединению с Вешенским районом.

В ночь на 25 мая конные части генерала Секретова провалились у Нижне-Сазонова и, отбивая все попытки перехода в контратаку со стороны 16-й дивизии красных, развили успех и последовательно заняли Дубовый, Нижний Ерохин и Гусев. Этот прорыв сопровождался крупными потерями, нарушением связи между войсковыми соединениями, разрушением управления частей Красной армии. Вдоль железной дороги Лихая – Царицын одновременно наступал 2-й Донской корпус, движению которого содействовала конница генерала Мамонтова. Части 9-й армии, неся тяжелые потери в численности и в материальной части, отходили медленно и с упорными боями. Слаженность действий отдельных частей Добрармии и донских казаков, нарушение управления у красных, враждебное состояние ближайших тылов определили катастрофу советской власти на юге. Уже 31 мая белые заняли Миллеровскую и Криворожий, безудержно стремясь к соединению с восставшими. Это удалось им 7 июня. Все это обусловило дальнейший общий отход всех красных армий Южного фронта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.